

Введенский А. И. [Рец. на:] Краткие записки по Основному Богословию: (Для студентов Московского Университета в пособие при подготовке к экзаменам 1895 г. / Сост. прот. Николай Елеонский. М., 1895) // Богословский вестник 1895. Т. 3. № 8. С. 252–264 (2-я пагин.).

Краткія записки по Основному Богословію. (Для студентовъ Московскаго Университета въ пособіе при подготовкѣ къ экзаменамъ 1895 года). Составилъ протоіерей Николай Елеонскій. М. 1895. Стр. XII+278.

Заглавіе книги не позволяютъ, конечно, предъавлять къ ней широкихъ требованій: это—лишь „Записки“ и при томъ „*краткія*“. Но примиряя читателя заранѣе съ неполнотою въ раскрытіи тѣхъ или другихъ частныхъ вопросовъ, поставленныхъ въ книгѣ, заглавіе не снимаетъ, однако, съ ея автора отвѣтственности за неполноту самаго *состава* книги, въ чемъ, по нашему мнѣнію, его справедливо могутъ упрекнуть. Въ самомъ дѣлѣ, ознакомившись съ составомъ книги, мы замѣчаемъ въ ней пропускъ такихъ вопросовъ, которые обыкновенно вводятся въ составъ курсовъ Основнаго Богословія и вводятся справедливо. Такъ, въ книгѣ совсѣмъ опущенъ отдѣлъ о происхожденіи міра вмѣстѣ со всѣми относящимися сюда важными и интересными вопросами (о древности міра, о единствѣ рода человѣческаго и т. д.); въ ученіи о религіи очень бѣгло затронутъ вопросъ о ея происхожденіи и совсѣмъ обойденъ вопросъ объ ея формахъ; совсѣмъ нѣтъ отдѣла о языческихъ религіяхъ и ихъ отношеніи къ христіанству (исключеніе сдѣлано лишь для Буддизма) и т. д. Словомъ, говоря строго, книга профессора, о. протоіерея Елеонскаго должна быть разсматриваема скорѣе какъ сборникъ отдѣльныхъ статей по Основному Богословию, чѣмъ какъ полный и систематическій курсъ этой науки.

Намъ кажется, далѣе, что критика справедливо можетъ упрекнуть автора кое за что и помимо указаннаго недостатка.

Такъ, прежде всего, иногда можно пожелать отъ книги болѣе тщательной литературной обработки: по мѣстамъ кажется, будто авторъ не успѣлъ или забылъ сообщить ей послѣднюю редакцію. Онъ пишетъ, наприм.: „мы рѣшительно отказываемъ душѣ животныхъ въ самостоятельности, духовности и безсмертіи и признаемъ эти особенности лишь на основаніи присущихъ ей (?) свойствъ, которыми по нашему мнѣнію, животныя не обладаютъ“ (стр. 92). Конечно, при нѣкоторомъ усиліи, прочитавъ и перечитавъ только-что выписанное положеніе въ связи, можно добратъся до мысли автора; но вѣроятно и самъ онъ не будетъ спорить, что ее слѣдовало-бы формулировать иначе,—яснѣе и опредѣленнѣе. Еще два-три примѣра того-же рода: „по мнѣнію Бэна, тѣло та самая вещь, *разсматривая* (?) объективно, которая субъективно, въ непосредственномъ сознаніи недѣлимаго,—есть душа“ (стр. 77); „къ нерву должно присоединиться нѣчто вовсе (ж), несомненно (sic!) существующее“ (тамъ-же); Максъ Мюллеръ знатокъ „естественныхъ языческихъ религій“ (112—очевидный плеоназмъ, едвали не обнаруживающій, при томъ у автора шаткость, мысли по данному вопросу) и др. Къ числу недосмотровъ, которые несомнѣнно могли-бы быть исправлены при болѣе строгой и тщательной редакціи книги, слѣдуетъ отнести и слѣдующую выписку изъ Тейлора: „древній поклонникъ *Брамы*, въ минуты сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ, молился такъ: ...если мы люди, о *Варуна*, грѣшимъ противъ небеснаго поведителя“ и т. д. (стр. 117). Здѣсь несомнѣнный и крупный недосмотръ, обнаруживающій недостаточное знакомство съ исторіею религіи. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь смѣшиваются два различныя божества и два различныя, далеко отстоящіе одинъ отъ другаго, періода въ развитіи индійской религіи: поклонникъ *Брамы* не могъ молиться *Варуну*... Кому принадлежитъ эта ошибка,—Тейлору или автору? Намъ казалось заранѣе очень невѣроятнымъ, чтобы ее допустилъ Тейлоръ, такъ какъ, при всей односторонности его направления, за нимъ установилась въ наукѣ прочная репутація *тщательнаго* и *точного* систематика. И дѣйствительно; когда намъ удалось подыскать въ книгѣ англійскаго ученаго эту, глухо процитированную нашимъ авторомъ („Тейлоръ, Первобытная культура“), выписку, оказалось,

что наше предположеніе справедливо: виновать въ указанномъ историческомъ недосмотрѣ дѣйствительно не Тейлоръ, но авторъ, который почему-то нашелъ нужнымъ замѣнить совершенно умѣстное и правильное выраженіе подлинника: „древній аріецъ“ другимъ—„древній поклонникъ Брамъ“ (см. у Тейлора, т. II, стр. 414)¹⁾.

Послѣднее обстоятельство г. в. недостаточно осторожное, чтобы не сказать больше, отношеніе къ Тейлору заставляетъ насъ коснуться болѣе общаго вопроса,—вопроса объ отношеніи автора къ источникамъ и нособіямъ своей науки. Намъ кажется, что и въ этомъ отношеніи критика можетъ пожелать бѣльшаго сравнительно съ тѣмъ, что мы находимъ въ книгѣ. Такъ, мы не видимъ въ ней слѣдовъ знакомства автора съ выдающимися, по крайней мѣрѣ, произведеніями въ области новѣйшей западной апологетической литературы, каковы, наприм., труды: Пфлейдерера, Тейхмюллера, Ватке, Рейчле, Зибекъ и мн. др., не говоря уже о специальныхъ монографіяхъ по тѣмъ или другимъ частнымъ апологетическимъ вопросамъ, а такъ-же о курсахъ исторіи религіи (этотъ отдѣлъ, какъ сказано выше, у автора совсѣмъ опущенъ). Между тѣмъ указанная сочиненія, при ознакомленіи съ ними, могли-бы благотворно повліять на автора какъ общимъ духомъ своего метода, такъ и постановкою нѣкоторыхъ специальныхъ апологетическихъ проблемъ. Впрочемъ не обнаруживая знакомства съ произведеніями западной апологетической литературы, авторъ, какъ-бы въ замѣнъ этого, широко пользуется русскими (ровно какъ и переведенными съ иностранныхъ языковъ на русскій) сочиненіями, относящимися къ области его науки, отъ которыхъ, однако, иногда стоитъ уже въ слишкомъ большой зависимости. Высказывая это за-

¹⁾ Кстати отмѣтимъ здѣсь, что въ корректурномъ отношеніи книга о. протоіерея Елеонскаго,—вся, отъ начала до конца,—въ высшей степени не исправна. На рѣдкой страницѣ нѣтъ корректурной ошибки, а на иныхъ страницахъ ихъ встрѣчается по нѣскольку и между ними иногда—ошибки очень досадныя. Примѣры: „послѣдствія отъ *украшенія* (укушенія) бѣшеной собаки“ (стр. 75); „*ассимитрируются*“ (ассимилируются, 80); „*устроеніе*“ (вм.: утроеніе, 84); разрѣшеніе „*слушавшихъ* (смушавшихъ) недоумѣній“ (240); „нашелъ и *существа* (средства) къ избавленію“ (ibid.) и т. д. и т. д. Иногда кажется, будто корректура книги была совсѣмъ забыта...

дѣланіе, мы отнюдь не хотимъ, конечно, оспаривать у преподавателей даже высшій учебный заведеній право дѣлать, при изложеніи своего курса, заимствованія изъ другихъ авторовъ: напротивъ, мы думаемъ, что не только позволительно, но даже и необходимо вносить въ лекціи все лучшее по данному вопросу, что только можно найти въ его литературѣ. Но при этомъ необходимо соблюденіе двухъ условій: необходимо, во-первыхъ, чтобы заимствовалось дѣйствительно лучшее и чтобы, во-вторыхъ, собственная точка зрѣнія автора господствовала надъ всѣми заимствованіями. Позволяемъ себѣ думать, что въ обихъ этихъ отношеніяхъ книга о. протоіерея Елеонскаго оставляетъ кое-чего желать ¹⁾.

Переходя теперь къ оцѣнкѣ книги по существу, со стороны раскрываемыхъ въ ней мыслей, мы должны замѣтить, что, при своихъ достоинствахъ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, она и въ этомъ отношеніи такъ-же возбуждаетъ иногда недоумѣнія. Не касаясь частныхъ, укажемъ лишь на одинъ вопросъ, своеобразная постановка котораго, данная ему авторомъ, по нашему мнѣнію, возбуждаетъ много недоумѣній и открыта для многихъ возраженій. Разбирая материалистическое представленіе о первопричинѣ міра, авторъ выставляетъ тезисъ, по которому „міръ, окружающій насъ, не можетъ быть названъ механизмомъ“ и обосновываетъ этотъ тезисъ косвенно, — путемъ разбора „механическаго міровоззрѣнія Ланге“ (стр. 57—66). Здѣсь, по нашему мнѣнію, что ни положеніе, что ни мысль, то вопросъ и вопросъ весьма спорный. Намъ кажется, прежде всего, не совсѣмъ удачнымъ самый выборъ Ланге въ качествѣ представителя „механическаго міровоззрѣнія“. Его „міровоззрѣніе“ слишкомъ сложно, эластично и неуловимо, вслѣдствіе чего его называютъ различными именами: то полукантианцемъ, то полуматериалистомъ, то неокритицистомъ и т. д. Можно, пожалуй, находить у Ланге, при сложности его философіи, и элементы міровоззрѣнія механическаго, но только лишь элементы; въ цѣломъ-же его „міровоззрѣніе“ материалистическимъ назвать нельзя. — Но оставимъ эту исто-

¹⁾ Особенно слаба и открыта для замѣчаній, подобнаго рода 3-я глава о духовномъ началѣ въ чловѣкѣ, въ связи съ вопросомъ о души животныхъ.

рико-философскую подробность въ сторонѣ. Допустимъ, что авторъ имѣетъ право разсматривать названнаго нѣмецкаго мыслителя, какъ типичнаго выразителя „механическаго міровоззрѣнія“ (что и на самомъ дѣлѣ, при извѣстныхъ ограниченіяхъ, такъ: ибо вѣдь у Ланге есть-же, какъ мы сейчасъ сказали, и элементы механическаго міровоззрѣнія). Спрашивается: насколько удаченъ у автора его разборъ? Отрицая цѣлесообразность въ устройствѣ міра, Ланге, въ слѣдъ за Дарвиномъ, указываетъ на безцѣльную и неразумную, съ человѣческой точки зрѣнія, гибель въ природѣ элементовъ жизни (растительныхъ сѣмянъ, насѣкомыхъ и т. д.). Свою критику Ланге авторъ, какъ и слѣдуетъ, конечно, начинаетъ надлежащимъ освѣщеніемъ именно тѣхъ фактовъ, которые, при ихъ неправильномъ истолкованіи у Ланге, послужили для него фактической опорой его антителеогическаго заключенія, — доказательствомъ, что въ сущности ни одинъ изъ жизненныхъ зародышей не погибаетъ напрасно, безслѣдно; что напротивъ, каждый, самый ничтожный, направляется къ содѣйствію разумнымъ цѣлямъ (стр. 60—1). Къ сожалѣнію, авторъ не останавливается на раскрытіи этой содержательной и плодотворной мысли, которую можно было-бы иллюстрировать хорошими примѣрами ¹⁾ и, выставивъ слегка, въ общихъ чертахъ (на одной страничкѣ) это свое положеніе, такъ сказать перемѣняетъ позицію и вступаетъ на почву шаткихъ и весьма сомнительныхъ утвержденій. Разсужденія автора такъ своеобразны, что мы позволимъ себѣ привести ихъ здѣсь въ подлинникѣ:

„Погибель, разрушеніе“, — пишетъ авторъ, — вотъ слова, которыми Ланге хочетъ указать на „ужасную“, безмысленную и потому какъ-бы ненормальную расточительность, обнаруживаемую природою относительно жизненныхъ зародышей, различныхъ жизненныхъ формъ. Но вотъ вопросъ: есть-ли смерть нормальное, естественное явленіе? *Да, это явленіе несомнѣнно естественное, вполне нормальный актъ* (?), которымъ заканчивается отдѣльное существованіе той или другой жизненной формы, при томъ *не только нормальный, но и необходимый актъ* (?), которымъ только и обуславливается дальнѣйшее правильное теченіе и развитіе жизни, разлитой въ мірѣ. Говоримъ „необходимый“, потому что, если бы разъ возникшія формы жизни безъ

¹⁾ Кромѣ извѣстныхъ сочиненій *Поли Жане* и *В. Д. Кудрявцева*, укажемъ еще на сочиненіе англійскаго мыслителя *Кролля* (*James Croll: The philosophical basis of Evolution*. London. 1890), у котораго данъ на это возраженіе Ланге краткій, но обстоятельный отвѣтъ (р.р. 159—170).

конца продолжали свое существованіе, то чрезъ извѣстный періодъ времени возникновеніе новыхъ, болѣе сложныхъ и совершенныхъ формъ слѣдалось-бы физически невозможнымъ, такъ какъ наличныя формы наполнили-бы собою всю землю, жизнь застыла-бы въ своемъ теченіи и мы получили-бы какой-то музей чудовищно громадныхъ размѣровъ, заключающій въ себѣ опредѣленное количество особей, зацѣпенѣвшихъ въ своей неподвижности т. е. получилось-бы нѣчто ужасное, фантастически-ненормальное. — Еще вопросъ: опредѣленъ-ли, данъ-ли образъ или способъ нормальной смерти, опредѣлено-ли, далѣе, время существованія жизненныхъ зародышей, вообще жизненныхъ формъ? Нѣтъ и нѣтъ. Окончѣтъ-ли извѣстное живое существо бытіе свое нслѣдствіе старческаго истощенія силъ или вслѣдствіе заразной болѣзни, сгорить-ли оно или утонетъ, будетъ-ли убито такъ или иначе—во всѣхъ этихъ случаяхъ для него настаетъ не что иное, какъ смерть,—*явленіе по отношенію къ нему совершенно естественное (?)*. И о преждевременности смерти, при какихъ-бы то ни было условіяхъ, говорить на достаточныхъ основаніяхъ точно такъ-же не приходится (?), распадается-ли какая-либо, уже развитая жизненная форма, наприм., вполнѣ законченное, созрѣвшее растеніе, или только жизненный зародышъ—яйцо, сѣмя. И въ первомъ и въ послѣднемъ случаѣ преждевременной смерти и, такимъ образомъ, безсмысленной гибели, неразумнаго разрушенія не будетъ. Да, не будетъ и въ послѣднемъ, потому что кто-же станетъ отрицать всякое значеніе организованной матеріи въ круговоротѣ жизни? Она здѣсь необходима, но сѣмена, — животныя-ли то или растительныя, — представляютъ собою опредѣленные количества превосходно организованной матеріи. Потому-то они съ такою, такъ сказать, энергіею и втягиваются во всевозможные жизненные процессы. Говорить объ ужасной расточительности природы по отношенію къ жизннвымъ формамъ, о ихъ механическомъ и, слѣдовательно, неразумномъ разрушеніи и гибели основательно было-бы только въ томъ случаѣ, если-бы умирая они безъ остатка, безъ слѣда исчезали (?); но этого вѣтъ, напротивъ тѣ или другіе жизненные зародыши или жизненные формы, распаваясь, немедленно переходятъ въ другія сочетанія, въ другія болѣе сложныя и совершенныя формы и въ этихъ послѣднихъ продолжаютъ жизнь, въ нихъ и для нихъ имѣютъ значеніе¹⁾. Такимъ образомъ, то, что Ланге называетъ гибелью, разрушеніемъ среди живыхъ существъ есть въ собственномъ смыслѣ переходная, необходимая стадія въ процессѣ развитія и совершенствованія жизненныхъ обнаруженій.

Таково сужденіе автора. Мы цѣнимъ оригинальность его мысли, экспрессию, свѣжесть и, такъ сказать, колоритность въ ея выраженіи. И тѣмъ не менѣе согласиться съ нею не можемъ. Мы понимали-бы подобныя рассужденія въ

¹⁾ Мы не понимаемъ всей этой аргументаціи автора: что „жизненныя формы“, разрушаясь или умирая, не „исчезаютъ безъ остатка и слѣда“, но въ своихъ элементахъ, какъ частицы неорганизованной матеріи, сохраняются въ круговоротѣ природы,—это несомнѣнно, но какъ этимъ доказывается тезисъ автора, по которому, будто-бы „о преждевременности смерти, при какихъ-бы то ни было условіяхъ (?), говорить не приходится“?!

устахъ натуралиста-біолога, который *съ своей точки зрѣній* признаётъ и долженъ, конечно, признавать смерть явленіемъ естественнымъ и нормальнымъ ¹⁾. Но въ устахъ философа-моралиста, а тѣмъ болѣе богослова-апологета мы, признаются, понимаемъ ихъ не *вполнѣ* или, сказать лучше, *совсѣмъ не* понимаемъ. Что богословъ и вообще христіанинъ не могутъ признать смерть явленіемъ естественнымъ и нормальнымъ, — это понятно и всегда признавалось: „между христіанами, содержащими истинно-католическую вѣру, — писалъ еще блаж. Августинъ, — признается несомнѣннымъ, что даже смерть тѣлесная постигла насъ *не по закону природы*; потому что Богъ не сотворилъ для чловѣка смерти, но — вслѣдствіе грѣха“ ²⁾. Но и философъ моралистъ, если только онъ не сбитъ какими-нибудь односторонними предвзятыми идеями въ духѣ пантеизма, безъ сомнѣнія, затруднится признать смерть явленіемъ „естественнымъ и нормальнымъ“, какъ не признаетъ ее такимъ явленіемъ и здравый чловѣческій смыслъ, руководимый непосредственнымъ чувствомъ состраданія къ умирающему, а тѣмъ болѣе къ умирающему преждевременно. Понималъ это, при всей своей односторонности, и Ланге: „состраданіе, прекраснѣйшій цвѣтъ земныхъ организмовъ, — говоритъ онъ, — пробивается только на отдѣльныхъ пунктахъ“ (Цит. у автора, стр. 61) т. е. тамъ, гдѣ живое не гибнетъ не доразвившись и напрасно, откуда слѣдуетъ, — что и выводитъ Ланге, на что онъ и указываетъ въ подтвержденіе своего вывода, — что, гдѣ въ природѣ замѣчается напрасная гибель живыхъ зародышей, тамъ обнаруживается въ ней безстрастіе, отсутствіе состраданія. Правъ или неправъ Ланге, — это для насъ пока не важно (объ этомъ рѣчь дальше). Для насъ важно лишь отмѣтить, что, вопреки мнѣнію автора, смерть нельзя признать и не признаютъ явленіемъ естественнымъ и нормальнымъ и въ концѣ кон-

¹⁾ Въ какомъ смыслѣ и на какомъ основаніи, — см. объ этомъ превосходную статью (если, не измѣняетъ память, *проф. Львова*): „Біологическое значеніе смерти“, помѣщенную въ одной изъ книжекъ „Русскаго Обозрѣнія“ за минувшій 1894 г.

²⁾ См. объ этомъ подробнѣе, наприм., въ *Догматикѣ* преосв. Макарія (т. II, 390; выдержка блаж. Августина взята со стр. 188 по изд. 1851 г.).

цовъ просто потому, что противъ нея протестуетъ наше чувство, — чувство сострадательности, что признаетъ и Ланге. Но авторъ нѣумодимъ въ своей послѣдовательности и, при-ведя только что указанное нами мнѣніе Ланге, продолжаетъ (въ виду характерности его сужденій, мы опять позволяемъ себѣ привести ихъ здѣсь въ извлеченіи):

Приложимо-ли состраданіе, — спрашиваетъ авторъ, — къ тому, что мы называемъ смертью? Ни въ какомъ случаѣ. Ибо смерть есть, какъ мы уже сказали, естественный и необходимый актъ для всякаго живаго существа (?). И потому-то даже тѣ душевныя состоянія, которыя мы переживаемъ, теряя самыхъ близкихъ лицъ, не имѣютъ ничего общаго съ состраданіемъ (?). Несомнѣнно, что мы въ подобныхъ случаяхъ иногда испытываемъ глубочайшую скорбь. Но скорбь эта обыкновенно протекаетъ изъ живаго сознанія того, что потерявъ извѣстное лицо, мы несемъ нѣредко великій ущербъ и во внутренней и во внѣшней жизни. Бываетъ, что, при подобной потерѣ мы лишаемся мудрыхъ и добрыхъ совѣтовъ, которые выводили насъ изъ тяжелыхъ житейскихъ затрудненій, лишаемся искреннихъ довѣрчивыхъ благожелательныхъ отношеній, которыя вносили элементы радости и бодрости въ нашу жизнь и дѣятельность, лишаемся, наконецъ, матеріальной поддержки, дававшей намъ возможность спокойно и правильно совершать и довершать свое развитіе и т. д. При мысли о подобныхъ лишеніяхъ мы скорбимъ, *жалеемъ самихъ себя* (?). Но это вѣдь не состраданіе къ другому, умершему. О послѣднемъ мы только думаемъ, что онъ, — *какъ это непременно и слѣдуетъ* (?), — пошелъ въ путь всей земли. Когда-же умираютъ лица, хотя и близкія намъ въ родственномъ отношеніи, но не принимавшія и не желавшія принимать въ насъ никакого участія, мы къ этому событію относимся обыкновенно хладнокровно. А когда заканчиваютъ жизнь неизвѣстныя намъ лица, пусть даже въ значительномъ количествѣ, мы остаемся совершенно спокойными, развѣ только интересуемся узнать, каковъ былъ процентъ смертности въ данномъ районѣ, въ данное время. И если окажется, что это — обычный средний процентъ, мы пожалуй ощутимъ пріятное чувство при мысли, что народъ въ извѣстной мѣстности продолжаетъ жить, если не очень хорошо, то сносно, и что условія его жизни не измѣнились къ худшему. — Что-же, наконецъ, касается неразумныхъ существъ, то бываютъ обстоятельства, когда мы снѣвшимъ на помощь природѣ въ прекращеніи жизни извѣстныхъ организмовъ и остаемся довольны, когда предпринимаемая нами, съ этою цѣлью, мѣры увѣнчиваются успѣхомъ. Это происходитъ тогда, когда извѣстныя формы жизни, безмѣрно умножившись, грозятъ нарушеніемъ равновѣсія въ окружающей насъ природѣ, таковы, наприм., саранча, грызуны различныхъ наименованій. Такимъ образомъ *къ тому явленію, которое мы называемъ смертью, истинное разумное состраданіе не приложимо и не прилагается* (?!). И потому (?) неосновательно упрекать природу въ томъ, что она будто-бы съ ужасною безмысленною расточительностію позволяетъ разрушать множество жизней, оставаясь при этомъ безстрашною и на этомъ основаніи утверждать, что въ природѣ, въ ея результатахъ господствуетъ исключительно слѣпой механизмъ...

Итакъ, при видѣ умирающаго человѣка или другаго гибнущаго существа, нѣтъ, не можетъ и не должно быть мѣста состраданію... Едвали многіе психологи и моралисты признають предложенный авторомъ анализъ чувства состраданія правильнымъ. Человѣкъ черствый, эгоистъ, конечно, будетъ оцѣнивать всякую смерть съ точки зрѣнія ея отношенія къ своему узкому благу. Но человѣкъ съ сердцемъ развитымъ, съ душою любящею,—ужели и онъ способенъ отнестись къ смерти ближняго такъ-же безучастно? Самъ авторъ признаетъ немного выше (стр. 64), что истинное состраданіе „возмущается безсмысленными истязаніями животныхъ, жестокими муками, которымъ подтверждаютъ ихъ для потѣхи и дѣятельно заботится объ устраненіи этихъ истязаній и мукъ“: этимъ уже значительно ограничивается его взглядъ. Съ другой стороны, для человѣка, христіански настроеннаго, желаніе помочь умершему, внушаемое чувствомъ истиннаго состраданія, какъ извѣстно, можетъ найти средства для своего удовлетворенія (въ молитвѣ за умершаго и пр.): значить, состраданіе къ умершему и возможно, и желательно,—съ христіанской точки зрѣнія... Вообще мы не понимаемъ, говоря откровенно, какъ авторъ, обыкновенно столь чуткій къ тонкимъ отбѣнкамъ движеній сердца, могъ развить такой странный взглядъ на состраданіе и смерть. По нашему мнѣнію, Ланге при всей своей односторонности, въ данномъ отношеніи стоитъ рѣшительно ближе къ истинѣ, чѣмъ авторъ. Вѣдь что въ самомъ дѣлѣ выходитъ у автора? Къ чему въ сущности сводится его аргументація? Природу нельзя упрекать, какъ это дѣлаетъ Ланге, въ безсердечіи или безстрастіи, такъ какъ чувство состраданія вообще не умѣстно, „не приложимо и не прилагается“ къ тому явленію, которое мы называемъ смертію (65) и которое въ сущности всегда, при всѣхъ условіяхъ, естественно, нормально и даже необходимо... Мы думаемъ, что отсюда ни до какой телеологіи никогда не дойдешь,—даже и при помощи самыхъ хитрыхъ умозаключеній. Это—механизмъ, гораздо болѣе рѣшительный, холодный, фатальный, чѣмъ у Ланге. Въ самомъ дѣлѣ, у Ланге, по крайней мѣрѣ, есть два плодотворныхъ намека на истину, которые, при надлежащемъ развитіи, могли-бы дать величественную и возвышенную концепцію. Во-первыхъ, по его

рѣшительному заявленію, состраданіе, этотъ прекраснѣйшій цвѣтъ земныхъ организмовъ, —хоть „на отдѣльныхъ пунктахъ“, но всеже пробивается. Значить, природа въ основѣ своей сострадательна (иначе состраданіе не могло-бы пробиваться даже на отдѣльныхъ пунктахъ міровой жизни); но эта сострадательность ея въ своемъ обнаруженіи чѣмъ-то какъ-бы задержана или парализована. Во-вторыхъ, Ланге, какъ это признаетъ и авторъ (стр. 60), въ сущности цѣлесообразности въ мірѣ не отрицаетъ, но только не находитъ возможнымъ измѣрять ее масштабомъ человѣческаго разсудка, —не признаетъ цѣлесообразности антропоморфной: слѣдовало только отбросить преувеличенія и исправить перетолковане фактовъ (что авторъ и намѣчаетъ на стр. 60) и можно было, отправляясь отъ положеній самаго Ланге, ввести въ мірѣ цѣлесообразность и разумъ. Такимъ образомъ, самъ оспариваемый мыслитель помогъ-бы намъ установить, что въ основѣ міровой жизни просвѣчиваютъ и сострадательность и разумъ; но только они здѣсь какъ-бы связаны или подавлены, вслѣдствіе чего сама природа не можетъ быть понята ни какъ слѣпой механизмъ (т. е. материалистически), ни какъ воплощеніе или проявленіе Божества (т. е. пантеистически), но—лишь какъ *открытие* Премірнаго Личнаго Божества. Съ этой точки зрѣнія нашлось-бы въ міровоззрѣніи, развиваемомъ книгою, понятное и внутренне-необходимое мѣсто и для идеи грѣха и внесенаго имъ въ природу разстройства, а отсюда былъ-бы естественный переходъ къ раскрытію специально христіанскихъ догматовъ: искупленія и т. д.

Мы остановились такъ сравнительно долго на отношеніи автора ко взглядамъ Ланге потому, что его своеобразныя сужденія, не смотря на ихъ, повидимому, совершенно частный и эпизодическій характеръ, имѣютъ большое значеніе въ общей связи и совокупности идей цѣлой книги. Намъ кажется, что именно эти разсужденія послужили причиною тому, что сотеріологическій элементъ религіи и въ частности религіи Христіанской, хотя этимъ вопросамъ посвящено у автора цѣлыхъ двѣ главы (6-я и 7-я), всетаки остается какъ-то въ тѣни и во всякомъ случаѣ не занимаетъ того центрального значенія, какое ему обыкновенно усваивается въ курсахъ апологетики и какое ему свойственно по самому

существо дѣла. Тою-же причиною, по нашему мнѣнію, обусловленъ и пропускъ при перечнѣ элементовъ, общихъ всѣмъ религіямъ (стр. 114—5), идеи грѣха, составляющей, однако, вмѣстѣ съ возбуждаемымъ ею стремленіемъ къ освобожденію отъ него, такъ-же несомнѣнно общее достояніе всѣхъ религій, ихъ общій составной элементъ.

Этимъ мы заканчиваемъ свои критическія замѣчанія на книгу о. протоіерея Елеонскаго. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ съ такою-же подробностію сказать о достоинствахъ книги, отнюдь не умаляемыхъ высказанными замѣчаніями, и иллюстрировать ихъ соответствующими выписками. Поэтому мы по необходимости ограничимся въ этомъ отношеніи лишь нѣсколькими общими замѣчаніями.

Прежде всего, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе вдумчивость, которою повсюду отличается изложеніе книги. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ не поднимается надъ общепринятыми и установившимися взглядами въ области того или другаго вопроса, чтеніе книги производитъ впечатлѣніе чего-то свѣжаго, живаго. Когда-же онъ высказываетъ нѣчто свое, своеобразное и оригинальное, то, хотя и нельзя бываетъ иногда согласиться съ нимъ, однако и въ этомъ случаѣ чувствуешь возбужденіе мысли, которую своеобразныя сужденія автора вызываютъ на работу. Здѣсь-же слѣдуетъ упомянуть о необыкновенной задушевности и, такъ сказать, сердечности тона почтеннаго автора, столь рѣдко характеризующей наши различные богословскіе курсы. На нѣкоторыхъ страницахъ изложеніе положительно возвышается до лирики псалмовъ. Въ книгѣ отобразилась личность автора, — дѣльная и положительная, — сильная не столько анализомъ (критическій элементъ въ книгѣ, вообще говоря, значительно слабѣе), сколько синтезомъ, способностью чувствовать и положительно *указывать* истину, — указывать для сердца и непосредственной настроенности. Въ наше, расшатанное анализомъ, время, конечно, это — немаловажное достоинство. Только при немъ, только благодаря положительнымъ свойствамъ своего ума и своей высокой настроенности, авторъ могъ такъ ясно, просто и возвышенно изобразить свойства безгрѣшной личности Богочеловѣка Христа. Страницы, посвященныя этому предмету (136—168), по нашему мнѣнію, должны быть признаны лучшими въ книгѣ.

Другая особенность, выгодно характеризующая трудъ автора, это—стремленіе придать своему курсу возможно жизненный характеръ. Авторъ повсюду стремится избѣжать въ изложеніи вопросовъ, входящихъ въ составъ его науки, всякой схоластической рутинѣ, всякой отвлеченности (да проститъ намъ читатель это слово!). Такъ, онъ съ большимъ тактомъ отодвигаетъ онтологическое доказательство,—наиболѣе отвлеченное и схоластичное,—на второй планъ въ ряду другихъ доказательствъ; очень умѣстно и удачно дополняетъ и какъ-бы иллюстрируетъ телеологическое доказательство бытія Божія указаніемъ на красоту и ея значеніе для нашей религіозной мысли (стр. 25—6) ¹⁾; въ изложеніе нравственнаго доказательства очень кстати вводитъ обстоятельное и хорошо иллюстрированное фактами доказательство всеобщности нравственности (стр. 31—42) и т. д. Здѣсь-же должно упомянуть о похвальномъ стремленіи автора разъяснять положенія своей науки на примѣрахъ, взятыхъ изъ области художественной литературы: такъ, на примѣръ, говоря о духовности души, онъ касается и моднаго современнаго вопроса о превращеніяхъ и раздвоеніяхъ личности и разъясняетъ его на удачно выбранномъ примѣрѣ—на „Запискахъ Сумашедшаго“ (стр. 87—9); иногда иллюстрируетъ свою мысль стихотвореніями (см., на прим., на стр. 146 прекрасное стихотвореніе Тютчева: „Молчи, скрывайся и тай“... , приведенное для разъясненія внутренняго, утаеннаго отъ другихъ, характера нашей духовной жизни и въ частности молитвы); иногда оживляетъ изложеніе какихъ-нибудь сухихъ и избитыхъ положеній новыми и оригинальными теоріями, взятыми у передовыхъ русскихъ ученыхъ—специалистовъ въ такъ называемыхъ свѣтскихъ наукахъ (см., на прим., любопытную выдержку изъ рѣчи проф. Густав-

¹⁾ „...Прекрасно все то, въ чемъ какимъ-бы то ни было образомъ отразилась какая-бы то ни было идея, лишь-бы эта идея прямо и посредственно говорила нашему духу, радуя его, будя въ немъ и питая благородныя человѣческія стремленія ума и сердца. Гдѣ-же эта красота? Всюду.... Знакомѣ всего намъ въ неорганической природѣ ясное звѣздное небо. Кто рѣшится сказать, что оно не прекрасно? Во время ясной ночи всякій неволью поднимаетъ глаза къ этому небу, чтобы насладиться этимъ зрѣлищемъ И чувствуетъ человѣкъ, что какъ будто нѣчто безпредѣльное выразилось въ темно-голубомъ бездонномъ сводѣ, но вмѣстѣ что-то невыразимо кроткое и доброе“... Стр. 25, *passim*.

сона, внесенную въ изложеніе телсологическаго доказатель-ства, стр. 22—3). Есть, наконецъ, у автора стремленіе идти на встрѣчу запросамъ времени: интересъ современнаго общества къ Буддизму заставилъ его ввести главу о Буддизмѣ, хотя вообще о естественныхъ религіяхъ, какъ замѣчено выше, у автора нѣтъ отдѣла въ книгѣ; интересъ современнаго общества къ социально-экономическимъ вопросамъ заставилъ его ввести главу объ отношеніи Христіанства къ вопросу о рабствѣ (заключительная). Вообще, авторъ видимо былъ озабоченъ сообщеніемъ своему курсу возможно реальнаго и жизненнаго характера и эта цѣль въ значительной мѣрѣ имъ достигнута.

Почтенный авторъ даетъ своей книгѣ скромное назначеніе,—служить для студентовъ Московскаго Университета пособіемъ при подготовкѣ къ экзаменамъ. Но по нашему убѣжденію книгу прочтеть съ интересомъ и высокимъ духовнымъ удовольствіемъ всякій образованный человѣкъ: при всѣхъ своихъ недостаткахъ, она всеже заключаетъ въ себѣ такъ много положительнаго, живаго, свѣжаго и бодрого....

А. Введенскій.
